

ДИАЛЕКТИКА

И.А. Недугова

ДИАЛЕКТИКА КУЛЬТУРЫ И СОЗНАНИЯ: ПРЕДМЕТНЫЙ ПОДХОД

Аннотация: проблема соотношения культуры как способа и результата человеческой деятельности коренится в плоскости оценки предметной стороны. Предметная сторона может быть рассмотрена как «способ» или как «результат», что находит свое выражение в первоначальном варианте определения культуры как способа человеческой деятельности и как объективированного результата этой деятельности. Концептуально представлен предметный подход в анализе культуры и сознания, построенный на принципах восходящей рефлексии (от вещи к знаку, от знака к символу, от символа к предельно универсальным знакам).

При рассмотрении процесса деятельности любой объективированный элемент культуры, так или иначе, призван служить средством ее актуализации (стимуляции, программирования, реализации, физического жизнеобеспечения и т.д.), а тем самым включаться в понятие «способ деятельности».

Ключевые слова: философия, культура, вещь, символ, знак, предельно универсальные знаки, предметность, деятельность, кризисность, развитие, становление, системность.

Изменения, происходящие в культуре, напрямую являются отражением объективных закономерностей развития сложноорганизованных систем и предметной стороны бытия человека. Колебания культурного пространства носят динамический характер. Мерой устойчивости и предсказуемости колебаний может считаться постоянность культурных изменений, подкрепленная постоянным развитием элементов и компонентов культуры.

Нарушение относительно устойчивого состояния является следствием накопления количественных и качественных изменений культурного целого. После исчерпания возможности адаптивного развития культурной системы и резервов постулат, модификации в системе прерывается линейное развитие и она, пройдя через критическую точку, вступает в состояние неустойчивости, кризиса. Разрешение накопленных противоречий порождает новое качество элементов культуры, их взаимосвязей и структуры и ведет к новому стабильному и одновременно более сложному уровню всей культурной организации. Изучение природы данных процессов возможно через категории предметности, выраженные в культурных элементах.

Предметная сторона бытия, определенная культурными универсалиями, может быть представлена как включающая в себя четыре основных разновидности предмета: вещи (орудия), символы, знаки и предельные знаки¹. Иначе говоря «каркасом» культуры являются универсалии. К универсалиям культуры относят язык, совместную деятельность, вещи и предметы, знаки и предельные знаки. Обращаясь вновь к обозначенной проблеме, мы можем выделить, что большинством исследователей в качестве одного из основных признаков современной культуры называется возрастающая роль предметной стороны бытия².

Проблема соотношения культуры как способа и результата человеческой деятельности коренится в плоскости оценки предметной стороны. Предметная сторона может быть рассмотрена как «способ» или как «результат», что находит свое выражение в первоначальном варианте определения культуры как способа человеческой деятельности и как объективированного результата этой деятельности.

¹ Ясперс К. Общая психопатология / К. Ясперс // Логос. 1994. № 5. С. 42-87.

² Хевеши М.А. Социально-политические стереотипы, иллюзии, мифы и их воздействие на массы / М.А. Хевеши // Философские науки. 2001. № 1. С. 5-17.

При рассмотрении процесса деятельности любой объективированный элемент культуры, так или иначе, призван служить средством ее актуализации (стимуляции, программирования, реализации, физического жизнеобеспечения и т.д.), а тем самым включаться в понятие «способ деятельности».

Следует отметить и другой существенный момент, обуславливающий неправомерность дифференциации общего определения культуры на способ и результат человеческой деятельности. Прежде всего, заметим, что далеко не каждый результат человеческой деятельности может и должен быть интерпретирован в качестве продукта культуры. Если исходить исключительно из эмпирической стороны деятельности, то тогда любой предмет или явление может быть обозначено словом «культура», мы можем обоснованно заключить, что данный предмет или явление обладают свойством поддержания символического в культуре.

Например, мусор, отходы и другие следы жизнедеятельности человека являются непосредственным результатом человеческой деятельности. Но можно ли их рассматривать в качестве продуктов культуры? В подавляющем большинстве случаев нет, но следами жизнедеятельности да. Однако, например, кружение мусорного пакета в фильме «Красота по-американски» скорее является более культурным элементом, нежели то, что делают герои фильма. В диалектическом единстве опредмечивания — распрепредмечивания все чаще превалирует процесс идеализации предмета. Обратный процесс опредмечивания как установления границ замещает наделение смыслом того, что смысла не имеет.

Культура, как самый важный адаптивный механизм человека, опосредствует взаимодействие между свойствами психобиологического организма и свойствами его социальных и физических окружений. Но в своей роли посредника, культура необходимо является переменной, подчиняющийся различным закономерностям развития. Культура является средством, посредством которого люди и группы адаптируются к функциональным требованиям индивидуального и группового существования, то не удивительно будет обнаружить широкий диапазон различий в форме и содержании культуры как функции одинаково широкого диапазона различий в человеческом историческом существовании. Изменчивость культуры, идет одновременно с изменчивостью

личности. Однако следует заметить, что этот процесс как правило описывался как каузальная зависимость изменения формы культуры порождает изменение личности.

Человеческое бытие и есть не что иное, как способ целесообразного, деятельного отношения к объективному миру, т.е. оно есть осознанное бытие.

Он отличает себя как потенциально способного овладеть любыми способами, средствами, предметами и процессами совместной деятельности. Тем самым человек предстает перед самим собой в качестве силы, находящейся вовне или даже предшествующей любому способу совместной деятельности. Отличие себя от своей собственной жизнедеятельности есть неременное условие формирования всех собственно человеческих потребностей и способностей, в т.ч. и способности к целесообразному (осознанному) поведению.

Главным критерием сознания называется деятельность в предметном значении. Процесс опредмечивания — распрепредмечивания раскрывается через социальное взаимодействие. Значимый для всех образ действия (со-действия) — это и субъективный образ предмета, на который данное действие направлено; это и чувственно-предметное отражение его объективной роли в общественной жизнедеятельности человека. И именно на основе всеобщего значения предметных образов действительности человек способен корректировать сам свою жизнедеятельность, предваряя ее осуществление общественно значимым образом того ее результата, который разрешил бы противоречия реальных условий его, человека, жизни. Обязательным сопутствующим элементом деятельности является целеопределение. Опредмечивание — распрепредмечивание выстраивается через идеализацию. Иными словами, идеальное представление о будущем, предшествующее каждому отдельному виду деятельности и мотивирующее ее, формируется на основе общих всем значений предметов, средств и способов деятельности, в которых отражено и выражено знание закономерностей объективного мира. В сознании в отношении средств и форм культуры происходят два противоположных процесса: сужение и расширение. В крайних точках может проявляться пограничность сознания. Естественно, немаловажна роль влияния социальной среды на сознание человека. Социальная среда, опираясь на биологические

особенности человека, формирует его сознание, определяет социально-психологическое своеобразие, создает неповторимые личностные особенности.

Использование идеи о барьере психической адаптации и составляющих его механизмах может содействовать более четкому интегрированному представлению о психической деятельности. Именно в барьере психической адаптации как бы сосредоточиваются все потенциальные возможности адекватной и целенаправленной психической деятельности.

С точки зрения А.Н. Леонтьева существует три «источника сознания»: чувственная ткань, социальное значение и индивидуальный смысл³. Несмотря на то, в психологии принято рассматривать смысл «как безличное знание, к которому сводимо индивидуальное», смысл только на первый взгляд имеет объединяющую структуру. Смысл скорее обладает универсальностью, через которую индивидуальное сознание воспринимает действительность. А сводит, унифицирует индивидуальные сознания к единой форме знак. Он онтологически «плотен» смысла и символа, а, следовательно, однозначнее.

Поскольку сознание интенционально, т.е. направлено на предмет, то предметность выступает границей смыслообразования и в конечном итоге и границей культуры как таковой. Предмет — это система границ познания. Сознательно или же не осознаваемо мышление выделяет предметы как заданность познания. Предметность — это идеальное «дано» в задачи познания. Однако то, что дает границы одновременно и закрывает возможности свободного развития. Сжатие системы культуры угнетает возможности сознательного. Плоскостные смыслу, тиражируемые «однолинейной культурой», порождают изменения сознания.

Измененные состояния сознания порождаются отчасти средой и проявляются как отчуждение, неприятие среды. Порождение это возможно на столько, на сколько причина влияет на следствие.

Уровни психических расстройств могут анализироваться с различных точек зрения — философской, социальной, психологической, эволюционной, патогенетической, клинической и т.д.

В культуре сознательного индуцирование измененных состояний сознания активно использовалось с различными целями. Это и шаманизм, и транс и даже религиозный или иной экстаз.

В зависимости от объекта воздействия методы влияния на сознание могут быть индивидуальные и массовые. Массовые методы изменения сознания, как правило, проецируются внешними формами.

Массовые психозы описывались М. Бехтеревым⁴, Д. Уотсоном⁵, Шульцами⁶, и другими авторами.

Однако метастабильность состояния личности, осложненная гипербыстрым ее формированием, является отличительной чертой современности.

Сжатость культурного поля его концентрированность, насыщенность информацией и мерцанием смыслов порождает некоторую априорную нестабильность сознания.

Развитию психогенных психических расстройств могут способствовать следующие факторы:

- 1) при непатологических невротических проявлениях — несоответствие психологической, физической и профессиональной подготовки реальным условиям жизни и деятельности в условиях психогении, отсутствие положительных эмоций и заинтересованности в деятельности, ее неадекватная организация;
- 2) при реактивных психозах и невротических реакциях — интенсивность (значимость для жизни) воздействий, внезапность их развития, недостаточная индивидуально-психологическая подготовленность, отсутствие взаимодействия с окружающими и положительных примеров борьбы с психогенными воздействиями;
- 3) при невротических состояниях — хроническое воздействие значимой психотравмирующей ситуации, невозможность формирования жизненной позиции в продолжающихся психотравмирующих условиях, наличие сопутствующих соматических (физиогенных) вредностей;

⁴ Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни / В.М. Бехтерев. М., 1998. 402 с.

⁵ Уотсон Д. Психология, как наука о поведении / Д. Уотсон. М., 1926. 340 с.

⁶ Шульц Д., Шульц С.Э. История современной психологии / Д. Шульц, С.Э. Шульц. СПб: Евразия, 1998. 547 с.

³ Леонтьев А.Н. Проблемы сознания / А.Н. Леонтьев. М., 1966. 472 с.

- 4) при патологическом развитии личности — наличие преморбидных личностно-типологических особенностей (акцентуаций), отсутствие компенсирующих влияний социальной среды, выраженность сопутствующих факторов, вызывающих психоэмоциональное перенапряжение⁷.

Но изменчивость в форме и содержании культуры не означает, однако, ни изменчивости в субстанции культуры, ни изменчивости в личности. Действительно, идентичные психологические структуры могут быть связаны с явно разнородными культурными структурами, так как, хотя последние являются фенотипически различными, они могут быть генотипически идентичными, то есть, они могут быть функционально эквивалентными структурными альтернативами, чтобы справиться с идентичными функциональными требованиями индивидуального и группового существования.

Предметы и явления, связанные с символической способностью человека, называются поведением человека; точнее, поведением являются идеи, отношения, действия; топоры и керамика непосредственно не могут быть названы поведением, но они созданы трудом человека, т.е. они являются овестьствованным поведением человека.

Поскольку функционирование социокультурных систем корректируется системой прямых и обратных связей, приобретающих положительный или отрицательный для развития этих систем характер. Отрицательные связи поддерживают сохранение сложившихся структур и отношений, положительно обеспечивают восприимчивость системы к новой информации, ее обмен энергией с внешней средой. Соотношение между положительными и отрицательными связями обеспечивает степень устойчивости и изменчивости данной культуры, ее рост, качественную трансформацию, способность развиваться в меняющихся условиях существования. Гармоничное равновесие во взаимодействии положительных и отрицательных связей формирует динамическую устойчивость культуры, т.е. оптимальное соотношение между целостностью, способностью сохранять себя как единое целое, и способностью постоянно обновлять себя.

В целом смена состояний устойчивости и неустойчивости образует динамические циклы в развитии любой культуры. Эти циклы определяются изменением траектории развития, его новым уровнем. При этом крайне трудно, а в подавляющих случаях невозможно заранее предсказать качественное состояние культурной системы после прохождения ею «порогового» значения (т.н. точки бифуркации): ее будущее состояние представлено рядом возможных вариантов, реализация которых оказывается зависимой от воздействия всей совокупности факторов, определяющих состояние культурной системы в критической точке.

Так согласно теории самоорганизации сложных систем, сложные системы стремятся к упрощению, простые к усложнению. В основу этого закона положен принцип сопротивления. При искусственном разведении горизонтальных слоев (читаем растягивании — И.Н.) система, максимально оказывая сопротивление, стремится к сжатию, и, наоборот, при сжатии стремится к расхождению слоев. Следовательно, при использовании методов управления сложными социальными системами необходимо учитывать тот факт, что любое изменение системы, если оно носит разовый характер, не даст результата. Временно-пространственное отношение между причиной и следствием в сложных системах прямо пропорционально зависит от уровня сложности структуры системы. В сложно структурированных системах результат как бы запаздывает. Любое управленческое решение с точки зрения философии это информация. Но информация не в плане передачи знаковых значений, а как свойство материи отражать. Отражением называют процесс, при котором в ходе взаимодействия одни материальные объекты своими свойствами повторяют свойства других материальных объектов, сохраняя след взаимодействия⁸. При этом информация воплощается в отношении причинно-следственного производства. Отношения между причиной и следствием в количественном эквиваленте информации подчиняется закону сохранения энергии, сколько убыло у причины, столько прибыло у следствия.

Если разность между «высшей точкой» (идеями составляющими суть культуры) и «низшими элементами» (средствами и фор-

⁷ Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства: Учебное пособие. М.: Медицина, 2000. С. 95.

⁸ Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997. С. 326.

мами культуры) в организованном комплексе «агрессивная разность» (А. Богданов) возрастает с ускорением. Последствием этого возрастание становится то, что уже не высшие уровни влияют на низшие, а низшие, обладающие автономностью в большей степени оказывают влияние на восприятие высших. Так, например, категорические ценности, такие как любовь, добро и т.д. при расхождении системы воспринимаются как вещественно определенные. К вопросу о высокой и низкой в культуре. Ускользание смысла, отчуждает идеальность от действительности. Видимая близость идеального и действительного формируется посредством визуализированного слова. Визуализированное слово более актуально, чем сама актуальность. Оно стремится стать актуальнее времени и в этом устаревает. То, что сегодня выделялось как имеющие суперзначимость сегодня же и утрачивает свое значение. Утрата смысла приводит к сдвигу структурных слоев культуры.

Есть иной закономерный процесс. В любой системе происходит постепенное накопление изменений, которые вступают в противоречия, как с исходным материалом, так и друг с другом. Чем больше расхождений, тем сильнее противоречия. Процесс дифференциации приводит к тому, что во вновь образованных системах базовые элементы обретают специфическую «окраску». Каждая новая система строится преимущественно на одном элементе, но при том в целом в процессе ингрессии эти элементы образуют первоначальную целостность. Однако наблюдение этого процесса порождает ощущение постоянной деградации системы. В культуре этот процесс представлен формами дифференциации культурных систем, и при этом сопровождается постоянным (вне зависимости от времени) ощущением «падения» культуры. Одновременное «растяжение» системы культуры с наложением нового символического миропонимания определяется как «неравновесная культура».

Культурные процессы — это изменение во времени состояния культурных систем и объектов, а также типовые модели взаимодействия между людьми и их социальными группами. Хотя культурные процессы эмпирически проявляются в совокупности культурных событий, эти понятия не тождественны. Под культурными процессами имеются в виду типические, универсальные по масштабам распространения в разных культурах и устойчивые в своей по-

вторяемости функциональные процедуры, подпадающие классификации на основании общих признаков. Культурные же события — это конкретно-исторические частные случаи осуществления культурных процессов, обладающие уникальными чертами, вариативность которых определяется суммой условий и обстоятельств их протекания.

Сложность культуры как самоорганизующейся системы состоит в ее противоречивой природе: культура подчиняется различным законам, в которые входят законы функциональные (однозначные), структурные, детерминантные и диссипативными. Помимо всего прочего общие законы функционирования сложных систем сочетаются в культуре и законами управления этими системами, что определенным образом ведет к значительному усложнению прямых и обратных связей культурных систем, взаимодействия в них традиций и инноваций. Разнонаправленность процессов, скорее всего, ведет именно к внутреннему напряжению в культуре. Поэтому именно в культуре как системе присутствует высокая вероятность бифуркационного развития.

Восходящая предметность предполагает поэтапное отрицание вещи знаком, знака символом и предельно универсальным знаком. Стадия отрицания знака символом, вводит элемент визуализации знака. Символ имеет визуальный ряд. Это процесс оказывает влияние на сознание и культуру в целом. Культура как бы «распыляется» в новом поле символической визуализации. Слово, которое не подкреплено яркой составляющей, анимационным сопровождением перестает удовлетворять «натренированному» на шок сознанию. Символ, отрицая знак, порождает некоторую двойственность (мерцание). Мерцание дает ситуацию, когда мы воспринимаем незнакомые нам вещи как известные, наполненные смыслом. Суть мерцания в том, что мы можем понимать только непонятные нам вещи. Автоматизм же является для нас вполне понятным (раз однажды был понят) и требует особых усилий внимания для того, чтобы выявить в нем потенциальную неоднозначность — событие.

Но при этом предметная, знаковая форма символа может иметь и даже стремиться к сохранению внешнего подобия с символизируемым объектом (вплоть до максимальной приближенности), или быть намеренно стилизованной под него, или иметь в качестве денотата специфиче-

скую черту, свойство, примету этого объекта. Так, например, утверждение «лев — царь зверей» указывает на нечеловеческое в контексте природы. Наблюдается тенденция сближения означаемого и означающего, но это есть объектное (знаковое) тождество, за которым стоит смысловая отвлеченность. Само это приближение (особенно заметное в искусстве) может говорить о смысловой отвлеченности, свидетельствовать о стремлении сохранить, удержать указание на объект хотя бы на формальном уровне, или же, наоборот, осознанно разделить формальное сходство и содержат отвлеченность, глубину, которую следует за этим сходством увидеть.

Отношение к вещам переживается совсем иначе, чем переживание, связанное с символом вещи. Цветок воспринимается как прекрасный предмет, но цветок, подаренный в особых обстоятельствах, символизирует отношения между людьми. Это уже не любой цветок, а конкретный предмет, наделенный в нашем сознании особым смыслом. Символ задает более высокий уровень универсальности, чем орудие, а следовательно, и раскрывает больший диапазон переживаний. Эти переживания, затрагивая глубинные стороны человеческого бытия, являются для человека более значимыми, чем переживания от вещи. Съеденный завтрак забудется через несколько минут, а завтрак в кругу семьи или с любимым человеком обретет иное, символическое значение. Как правило, мы различаем отношение к перечисленным типам предметного бытия. Но различие проявляется только тогда, когда с этими сторонами предметного бытия не связано наше переживание. Для ничего не значащего для нас предмета или символа нам легко найти место в предметной иерархии бытия. И при этом каждое переживание составляет необходимую часть человеческого бытия.

Преодоление этого противоречия возможно посредством мышления. Мышление — процесс отражения объективной действительности, составляющий высшую ступень человеческого познания. Тенденция эта формируется в процессе становления средств культуры. Понятие «символа» в Древней Греции в своем первичном значении было предельно конкретным: собственно опознавательная примета, свидетельство единства двух разрозненных частей, соединяя которые можно было получить исходное «целое», и тем самым, через конкретную вещественность доказательства, подтвердить внутреннюю при-

частность — странник становился своим. Этимологический смысл «символа» в греческом языке оказывается своеобразным ключом к коду реальных отношений между людьми. Каждая личность, каждая группа в своем этническом, национальном, языковом или социальном своеобразии имеет лишь часть «символона». Но эта часть остается непонятной без поиска и обращенности к обладателям его других фрагментов. Только признание нашего собственного несовершенства и поиск дополнения в различии может преодолеть силы отчуждения и содействовать целостности человечества.

Сознание, удерживаемое символом, реальное воспринимает только через призму символического. Привязанность сознания только к одной предметной стороне бытия, например, символической, может приводить к искаженным формам рефлексии, при которой поэтапно смещаются идеальное и материальное. По Кассиреру, символическое пространство человеческой жизни разворачивается и ширится в связи с прогрессом рода, с развитием цивилизации: «Весь человеческий прогресс в мышлении и опыте утончает и одновременно укрепляет эту сеть»⁹. Этот процесс все более отражается в абстрагировании самих символов. В искусстве распространяется тенденция сделать видимой «жизнь» вещей, и поэтому их произведения символически отображают мир по ту сторону сознания (или даже по ту сторону снов, потому что сновидения достаточно редко бывают не описательными). Таким образом, они указывают на «одну» реальность, «одну» жизнь, а показывают совершенно отрешенное от жизни и реальности вообще.

Переход от одной предметной стадии к другой сопровождается повышением универсализма.

Стремление к чистой предметности означает сведение к минимуму духовных характеристик бытия, а в итоге — это процесс, обратный духовной эволюции человечества. Идея денег должна всегда сохранять условный характер, и поэтому она может быть воспринята лишь как игра в чистую предметность. В противном же случае чистая предметность означает отрицание духа, культуры, эстетических и этических ценностей, а следовательно, и самого человека. Обратный процесс — моделирование внепредметного бытия

⁹ Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык. М.; СПб: Университетская книга, 2001. 271 с.

на основе предельных знаков (идеала, утопии и т.д.), отказ от предмета (вещи, орудия) — есть само по себе отрицание соотносимости с реальностью. Но, как показывает практика, именно эти заблуждения наиболее устойчивы к критике как раз вследствие того, что не имеют связи с реальной практикой.

Средневековая книжность и средневековое искусство были пронизаны стремлением к символическому толкованию явлений природы, истории и писания. Уже поздние греки (эллинистического периода) были склонны символически толковать свою мифологию¹⁰. Символическое толкование Ветхого и Нового заветов имелось еще у апостолов и приобрело под влиянием поздней греческой философии большое значение в «Александрии», где стало системой в философии Оригена, истолковывавшего символически все события Ветхого завета¹¹. Ориген подверг символическому осмыслению Пятикнижие, книги Иисуса Навина, Судей, первую книгу Царств, Иова, Псалмы, пророков и Новый завет. Отлично выразил основу этого символического толкования Библии Августин: «Что называется Заветом Ветхим, как не прикровение Нового, и что — Новым, как не откровение Ветхого?»¹². Так, прообразами богоматери в Ветхом завете были неопалимая купина, жезл Гедеонов, Сусанна, Иудифь и т.д. Популярное на Руси Слово на рождество богородицы Андрея Критского приводит семьдесят четыре символа богоматери.

В средневековье часто подменяется метафора символом. То, что мы принимаем за метафору, во многих случаях оказывается скрытым символом, рожденным поисками тайных соответствий мира материального и духовного. Опираясь по преимуществу на богословские учения или на донаучные системы представлений о мире, символы вносили в литературу сильную струю абстрактности и по самому существу своему были прямо противоположны основным художественным тропам — метафоре, метонимии, сравнению и т.д., — основанным на уподоблении, на метко схваченном сходстве или четком вы-

делении: главного, на реально наблюдаемом, на живом и непосредственном восприятии мира. В противоположность метафоре, сравнению, метонимии символы были вызваны к жизни по преимуществу абстрагирующей идеалистической богословской мыслью. Реальное миропонимание вытеснено в них богословской абстракцией, искусством — теологической ученостью. Когда в «Слове на пасху» Кирилл Туровский говорит о главе ада и о жале ада, он подразумевает определенные средневековые представления об аде как о морском чудовище — звере Левиафане, — представления, нашедшие отчетливое отражение не только в литературе, но и в живописи¹³.

Средневековый символ это активная форма действия, которая существует как бы вне человека.

Современный символ, наоборот, антропологический. Современная символизация работает с индивидуальной идентификацией.

Любой язык культуры представлен в виде знаков, символов и индексов.

Знаки, различаются как по своему происхождению, так и степени подобия тому, что они представляют.

Исследователи культуры выделяют пять основных знаковых систем: естественные, функциональные, конвенциональные, вербальные, системы записи.

Первичными по отношению к культуре являются естественные знаки. Под естественными знаками понимаются вещи и явления природы в том случае, когда они указываются на какие-то иные предметы или явления и рассматриваются в качестве носителя информации о них. Естественные знаки — это признаки явлений и процессов.

Следующим уровнем являются знаки, несущие функцию. Как правило, это вещи и явления, имеющие непосредственное прагматическое предназначение, но включенные в человеческую деятельность помимо своих непосредственных функций, они еще получают знаковую функцию, т.е. дают какую-то информацию о вещах и явлениях.

Третий уровень — это конвенциональные знаки. Для этих знаков главной функцией является обозначение.

Барт, для уточнения понятия «знак», вводит понятия денотативный и коннотативный знак

¹⁰ Преображенский П.А. Сочинения древних христианских апологетов. Татиан. СПб., 1867. С. 38 (Татиан об иносказательном толковании античных богов). С. 93-101 (Афиногор о том же).

¹¹ Там же.

¹² Творения блаженного Августина, епископа Иппонийского. Ч. 5. Киев, 1907. С. 188.

¹³ Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. XIII. 1957. С. 412.

для разграничения знака значащего и обозначающего:

- 1) коннотативный знак — это знак, всегда так или иначе «встроенный» в знак денотативный и на нем «паразитирующий». Барт дает следующее определение коннотативной семиотики: «коннотативная система есть система, план выражения которой сам является знаковой системой»;
- 2) коннотативные смыслы характеризуют либо сам денотат, либо выражают отношение субъекта речи к ее предмету, раскрывают коммуникативную ситуацию, указывают на тип употребляемого дискурса и т.п.;
- 3) все денотативные значения даются в явной форме, эксплицитно, тогда как коннотативные значения тяготеют к имплицитности, относятся к области «вторичных смысловых эффектов» (Ж. Женетт); коннотативные смыслы суггестивны, неопределенны, расплывчаты, а потому их расшифровка всегда предполагает значительную долю субъективности; в реальном наличии таких смыслов можно быть уверенным лишь в случае их явной избыточности¹⁴.

В данный момент символы становятся емкими, они включают в себя множество граней. Символ становится не просто обозначением, а проявлением бытия. Современные символы «работают» на визуализацию. Символ является как некая форма, обретающая несколько «содержаний». Эта множественность определяется через постоянное цитирование, репрезентацию ранее виденного.

Сегодня символы культуры это и не обозначение (первобытность) и не определение (средние века) и не отрицание (середина XX), а становление. Меняющийся символический фон есть возрождение. Графичность символов не есть первобытная простота, а есть отражение сложности происходящих процессов. Эти процессы как бы вышли наружу, символ их скрывает, т.е. возвращается в систему. Процесс формирования пограничных состояний сознания напрямую зависит от диссипативных процессов культуры. Процесс растяжения системы культуры — это процесс, при котором уровни предметности (вещи, знаки, символы и предельно универсальные знаки) сближаются, сужая границы пред-

метности. Процесс растяжения — это процесс, при котором каждый предметный уровень содержит в себе переходные формы. Циклы сжатия и растяжения сменяют друг друга.

Сжатие системы культуры приводит к тому, что мышление не имеет возможности осознания иерархии предметных уровней бытия. Плоскостная культура формирует «сжатый смысл», упрощенное значение, «невещественную» вещь.

Естественно, символы «новой культуры» активно используются СМИ и в рекламных целях, и это само по себе порождает перенасыщение «псевдосимволами». Символ перестал быть просто символом, он стал орудием еще в средневековье. Но сейчас символы не обозначают сложность ради сложности, простоту ради простоты. Явственно намечается две тенденции: монохромность и витальность. Искажение системы культуры отражается в сознании смещением предметной структуры бытия. Например, символ вмещает в себя предельно универсальные знаки (Любовь, Добро и пр.). Но при этом обратная тенденция — это пастиш, как пародия или даже автопародия. Но и это усложнение не обладает трансцендентностью, а напротив явно демонстрирует черты упрощения.

Противостоять кризисности культуры и искажению сознания может базис восходящей рефлексии. Восхождения сознания по четырем предметным уровням бытия, восхождение на вершину абстракции бытия вообще провоцирует в мыслящем человеке предельный уровень рефлексии Я. Этот уровень вбирает в себя весь предметный мир, но и не тождественен не одному предметному уровню в конкретности. Противоречие (А — не-А) содержит в себе три возможности предметной персональной идентичности: идентичность с А, идентичность с не-А и идентичность с самой границей с НЕ. Новое качественное, именно качественное состояние сознания, способного на такого рода рефлексии: видения по преимуществу умом, сохраняя, в основном, дистанцию в отношениях с миром, может стать базисом преодоления и кризиса идентичности. Знание о сознании как таковом невозможно без рассмотрения предметной стороны бытия. Осознание значения предметных уровней бытия, рефлексия, основанная на отрицании «прилепленности» к одному из уровней позволит избежать иллюзорности сознания.

¹⁴ Косиков Г.К. Ролан Барт — семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1989. С. 15-18.

Список литературы:

1. Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства: учебное пособие / Ю.А. Александровский. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Медицина, 2000. 495 с.
2. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни / В.М. Бехтерев. М., 1998. 402 с.
3. Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского / И.П. Еремин // ТОДРЛ. Т. XIII. М., 1957. С. 412.
4. Кассирер Э. Философия символических форм / Э. Кассирер. Том 1. Язык. М.; СПб: Университетская книга, 2001. 271 с.
5. Косиков Г.К. Ролан Барт — семиолог, литературовед / Г.К. Косиков // Барт Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1989. С. 15-18.
6. Леонтьев А.Н. Проблемы сознания / А.Н. Леонтьев. М., 1966. 472 с.
7. Преображенский П.А. Сочинения древних христианских апологетов. Татиан / П.А. Преображенский. СПб., 1867. С. 38.
8. Творения блаженного Августина, епископа Иппонийского. Ч. 5. Киев, 1907. С. 188.
9. Уотсон Дж. Психология, как наука о поведении / Дж. Уотсон. М., 1926. 340 с.
10. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1997. 576 с.
11. Хевеши М.А. Социально-политические стереотипы, иллюзии, мифы и их воздействие на массы / М.А. Хевеши // Философские науки. 2001. № 1. С. 5-17.
12. Шульц Д., Шульц С.Э. История современной психологии / Д. Шульц, С.Э. Шульц. СПб: Евразия, 1998. 547 с.
13. Ясперс, К. Общая психопатология / К. Ясперс // Логос. 1994. № 5. С. 42-87.

References (transliteration):

1. Aleksandrovskiy Yu.A. Pogranichnye psikhicheskie rasstroystva: uchebnoe posobie / Yu.A. Aleksandrovskiy. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Meditsina, 2000. 495 s.
2. Bekhterev V.M. Vnushenie i ego rol` v obschestvennoy zhizni / V.M. Bekhterev. M., 1998. 402 s.
3. Eremin I.P. Literaturnoe nasledie Kirilla Turovskogo / I.P. Eremin // TODRL. T. XIII. M., 1957. S. 412.
4. Kassirer E. Filosofiya simvolicheskikh form / E. Kassirer. Tom 1. Yazyk. M.; SPb: Universitetskaya kniga, 2001. 271 s.
5. Kosikov G.K. Rolan Bart — semiolog, literaturoved / G.K. Kosikov // Bart R. Izbrannyye raboty. M.: Progress, 1989. S. 15-18.
6. Leont`ev A.N. Problemy soznaniya / A.N. Leont`ev. M., 1966. 472 s.
7. Preobrazhenskiy P.A. Sochineniya drevnikh khristianskikh apologetov. Tatian / P.A. Preobrazhenskiy. SPb., 1867. S. 38.
8. Tvoreniya blazhennogo Avgustina, episkopa Ipponiyskogo. Ch. 5. Kiev, 1907. S. 188.
9. Uotson Dzh. Psikhologiya, kak nauka o povedenii / Dzh. Uotson. M., 1926. 340 s.
10. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar`. M.: INFRA-M, 1997. 576 s.
11. Kheveshi M.A. Sotsial`no-politicheskie stereotipy, illyuzii, mify i ikh vozdeystvie na massy / M.A. Kheveshi // Filosofskie nauki. 2001. № 1. S. 5-17.
12. Shul`ts D., Shul`ts S.E. Istoriya sovremennoy psikhologii / D. Shul`ts, S.E. Shul`ts. SPs: Evraziya, 1998. 547 s.
13. Yaspers K. Obschaya psikhopatologiya / K. Yaspers // Logos. 1994. № 5. S. 42-87.